

KЭТ
ТССС

22

6

Поделиться

Ольга Семеновская

ЗАТЕРЯННЫЕ В ЛЕСУ

Сами разберёмся!

Ольга Семеновская
Затерянные в лесу

Издательство «Детская литература»

2027

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Семеновская О. М.

Затерянные в лесу / О. М. Семеновская — Издательство «Детская литература», 2027 — (Сами разберёмся!)

ISBN 978-5-08-007824-8

В повести Ольги Семеновской раскрывается важная тема: как вырасти достойным человеком, выбрать свое место в жизни, заняться действительно стоящим делом. Ребята отправляются волонтерами в лагерь, чтобы в лесах, где когда-то шли бои Великой Отечественной, найти затерянные имена партизан, восстановить память о них. Никто и помыслить не может, что есть люди, для которых поиск старых захоронений превращается в кладоискательство... И на пути к успеху они готовы даже на преступление. Книга победила на Международном детском литературном конкурсе им. В. П. Крапивина. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-007824-8

© Семеновская О. М., 2027
© Издательство «Детская
литература», 2027

Содержание

Пролог	6
Глава первая	8
Глава вторая	11
Глава третья	14
Глава четвертая	16
Глава пятая	18
Глава шестая	21
Глава седьмая	24
Глава восьмая	26
Глава девятая	28
Глава десятая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ольга Семеновская

Затерянные в лесу

Тем, кто искал со мной, верил и ждал.

*Моим самым родным читателям и критикам —
мужу и детям.*

Вы — мой тыл, мой свет и те, ради кого хочется писать дальше.

*Я называю героем лишь того,
кто был велик сердцем.*

Р. Роллан

#Самиразберёмся ⚡

#Самиразберёмся

Художник *Нина Курбанова*

© Семеновская О. М., 2027

© Курбанова Н. М., иллюстрации, 2027

© Макет, оформление серии. АО «Издательство «Детская литература», 2027

Пролог

Густой, непроглядный туман стоял над лесом. Моросил холодный дождь. Откуда-то снизу, из темноты, раздавался чавкающий стук лопаты, вгрызающейся во влажную землю.

На краю ямы стоял человек – худощавый сгорбившийся силуэт в поношенной куртке. Луч фонаря метался – то по стенкам ямы, то вверх, в туман. На мгновение свет упал на его лицо, отразившись в круглых стеклах очков двумя призрачными бликами. Лицо застыло.

Внизу, в яме, копал другой. Его фигура – крупная, сутулая, напряженная – лишь угадывалась в темноте. Лопата взлетала и падала с глухим шлепком, вынося наверх комья глины. Теперь луч скользнул по его лицу – осунувшемуся, с темными глазами.

– Слышишь? – прошептал тот, что стоял наверху.

– Свети ровно! – рявкнул из ямы сутулый, не прекращая копать.

Щуплый вздрогнул и опустил луч. Он не двигался, вслушиваясь в лесную тишину. Очки снова погрузились в тень, скрывая его взгляд.

Сутулый замер, бросил лопату и с глухим стуком упал на колени. Он нервно рыл руками. Его пальцы выковыривали из земли что-то темное, и он бросал через край ямы проржавевшие гильзы, обломок каски, скрученный в бесформенный комок металл – все с чваканьем падало в траву.

– Хлам! – наконец просипел он с раздражением. – Одни железяки!

– Дай-ка я, – сказал щуплый. – Ты слишком грубо.

Он спустился в яму, и его ноги утонули в вязкой каше. Сутулый выбрался наверх и взял в руки фонарь. Теперь светил он, и луч лениво блуждал по спине щуплого.

Щуплый работал иначе – осторожнее, внимательнее. Просеивал комки земли сквозь пальцы, перебирал каждый камень, каждый корень. Движения его были точными и спокойными. И вдруг щуплый замер. Пальцы, скользившие по холодной глине, коснулись чего-то твердого, гладкого.

Он аккуратно разгреб землю вокруг. Поднял находку. В свете фонаря на мгновение блеснул тусклый, испачканный землей металл. Старый портсигар!

– Нашел! – выдохнул щуплый.

Он вытер грязь рукавом и с трудом открыл крышку. Она оторвалась резко, с сухим щелчком. Внутри был сложенный в аккуратный квадратик лист пожелтевшей бумаги.

– Письмо, – взволнованно прошептал щуплый. Он поднял взгляд, и свет фонаря снова поймал блики на стеклах. – Все здесь. Я же говорил!

В это мгновение с края ямы спустилась тень. Сутулый молниеносно оказался рядом, его рука протянулась к портсигару.

– Дай сюда!

Щуплый отпрянул, прижимая находку к груди, будто самое дорогое, что у него было.

– погоди, – сказал он мягко, но с неожиданной решительностью. – Сначала нужным людям покажу. Разберемся.

Сутулый замер. Слышалось только его тяжелое, свистящее дыхание. Он кивнул. Но в этой медлительности, в его внезапной неподвижности чувствовалось что-то опасное.

– Нужным людям, – повторил сутулый, и в его сиплом голосе прозвучала нехорошая усмешка. – Конечно.

Он помолчал.

– Понимаю...

Щуплый, замороженный находкой, не придавал значения его тону. Он отвернулся, уже думая о чем-то своем, и бережно убрал портсигар во внутренний карман куртки.

Сутулый стоял на дне, опустив фонарь. Свет снизу делал его фигуру огромной, напряженной. А туман все затягивал лес, яму и двух мужчин – бесшумно, неотвратно.

Глава первая

Бой

Солнце клонилось к горизонту и заливало комнату ровным светом. Рыжие, предзакатные лучи лежали на краю стола, на подоконнике, на спинке кровати. На их фоне свет от экрана ноутбука казался холодным синим пятном.

На экране, в окне электронного дневника, стояли итоговые оценки за седьмой класс. Глаза Витьки скользили по строчкам. Русский – «три». История – «три». Алгебра – «три». Геометрия – «три». Английский – «три». Всего двенадцать предметов. И шесть из них – тройки. Остальные – безликие четверки. Ни одной пятерки. Год назад их было семь, троек не было вовсе. А теперь они казались не отметками, а клеймом, диагнозом: не справился.

Из-за стены, тонкой и предательской, доносился голос матери. Приглушенный, неестественно вежливый.

– Светлана Ивановна, конечно. Очень вам благодарна за понимание... Год у нас, да, очень сложный выдался... Он старается, просто не всегда получается сосредоточиться. Спасибо, что пошли нам навстречу.

Каждое слово врезалось в тишину комнаты как шип. «Пошли навстречу». «Сложный год». «Старается». К горлу подкатывало что-то тяжелое и колющее. Он не старался. Он просто существовал вот уже восемь месяцев, день за днем, и школа казалась каким-то далеким ненужным шумом за стеклом.

Дверь в комнату приоткрылась, и на пороге возникла младшая сестра, Варечка. В одной руке она держала куклу, а другой пыталась поправить ей криво надетое блестящее платьице.

– Вить, гляди, – прошептала она. – У Маши новое платье.

Витька даже не повернулся. Он смотрел на мерцающий экран.

– Отстань, Варя.

Голос прозвучал глухо и плоско, без злости, просто как есть. Варечка замерла, но не уходила, словно надеясь, что брат все же обернется.

Витька почувствовал на себе чей-то взгляд. Боковым зрением он увидел: рядом с кроватью поднялась крупная серая тень. Это был Бой. Пес потянулся, сел посреди комнаты и уста-

вился на Витьку своими темными умными глазами. Смотрел он молча, с внутренней уверенностью, от которой Витьке становилось не по себе.

За стеной стало тихо. Потом раздались шаги. Мать стояла на пороге, вытирая руки о фартук.

– Ну что, – начала она, слишком бодро, но тут же осеклась и перешла на спокойный, естественный для нее тон. – Разговаривала со Светланой Ивановной. Говорит, выставили тебе годовые. Авансом. Очень она за тебя переживает. Надеется, что в восьмом классе ты возьмешься за ум.

Витька с усилием оторвал взгляд от монитора. Его лицо казалось высеченным из дерева.

– Надеется? На что надеется? Что я буду благодарен за ее одолжение?

– Вить, ты чего... – начала мать, но Витька резко смахнул со стола стопку тетрадей и учебников. Они с грохотом полетели на пол.

– Мне не нужны ее сожаления! – выкрикнул Витька, и его голос сорвался. – И эти трояки мне не нужны! Плевать я на них хотел! Понимаешь? Плевать!

Варечка, стоявшая в дверях, прижала куклу к груди. Мать шагнула вперед, к сыну:

– Витя, успокойся! Ты пугаешь сестру!

– Пусть боится!

Бой, сидевший неподвижно, вскочил и глухо заворчал.

– Бой, место! – рявкнул Витька.

Пес даже не шевельнулся. Он принимал решения сам.

Мать увидела, как тринадцатилетний сын не может справиться с собакой. И в ее усталых глазах мелькнула злость.

– Вот видишь, – сказала она. – Командуешь, а он не слышит. Отца Бой с полуслова слушался.

А ты... – Она запнулась, подбирая подходящее слово. – Ты для него еще мал. Может, и правда стоит его вернуть? В часть. Они там за ним присмотрят.

Витька замер. Слова матери прозвучали не как предложение, а как приговор. Как предательство.

Он поднял на нее глаза.

– Вернуть? – переспросил он. – Обратно, мам? В приют? Его списали. Ты забыла? У него больше нет части. У него нет никого, кроме нас! Мы его семья! Ты хочешь его выбросить? Папа бы никогда... никогда не позволил отдать Боя! Никогда!

Он выкрикнул последнее слово. Мать молча развернулась, взяла за руку Варю, которая уже всхлипывала, и вышла из комнаты.

В ушах у Витьки гудело. Он сполз на пол, прислонившись спиной к краю кровати.

Бой наблюдал за ним. Пес тяжело вздохнул, потянулся, подошел к Витьке, ткнулся носом в его плечо. Потом улегся рядом и положил тяжелую голову ему на колени.

Витька уставился прямо перед собой, на стену. Туда, где в простой деревянной рамке висела фотография. На ней улыбался отец, в парадном кителе. Отец смотрел на него, и эта улыбка казалась не ободряющей, а вопрошающей. Снимок был старый, еще до Витькиных троек, до долгих командировок, до всего.

Рядом с рамкой, на торчащий из стены гвоздь, Витька пристроил бархатную коробочку с медалью «За отвагу». Витьке хотелось, чтобы она висела именно там, рядом с отцом.

Луч заходящего солнца упал на стекло, и медаль на мгновение блеснула золотом. Конструкция держалась на честном слове и сейчас казалась Витьке отражением всей его жизни, будто бы собранной на живую нитку, неустойчивой, готовой рухнуть в любой момент.

Витька закрыл глаза. В ушах еще стоял собственный крик: «Папа бы никогда не позволил!» И тут, из самой глубины памяти, сквозь восьмимесячную толщу боли, всплыл другой голос, отцовский. Низкий, спокойный, уверенный и живой. «Служебная собака – не игрушка,

Витя. Ее доверие нельзя потребовать. Его нужно заслужить. Станешь для него своим – будет слушаться с полуслова».

Витька открыл глаза. Бой посапывал на его коленях, его ухо подрагивало. Пес здесь. И всё, что от него требовалось, – стать для Витьки своим. Не отцовым. Своим. А как этого добиться, Витька не знал.

Он сидел на полу, пока за окном не угас последний луч. Тень от отцовской фотографии на стене растянулась, почти растворившись в темноте.

Глава вторая

Кружок

Дима летел вверх по бетонной лестнице, перескакивая через две ступеньки. Сердце кололось где-то в горле, дыхание стало прерывистым. Каждый удар тяжелых кроссовок в лестничном пролете пустой школы отдавался гулким эхом: «О-паз-ды-ва-ю! О-паз-ды-ва-ю!»

Занятия в кружке «Поиск памяти» начались ровно пять минут назад. Пять минут! Для Ивана Сергеевича это целая вечность. Дима представлял, как стрелка часов ползет, а Иван Сергеевич смотрит на пустое место и ставит в блокноте минус напротив его фамилии.

Мысли неслись еще быстрее ног. Иван Сергеевич был строгим, но справедливым. Он не кричал, не унижал. Он объяснял. Объяснял, что поиск – это не игра, а работа. Работа с памятью. И в ней, как в армии или в хирургии, есть жесткие правила. Первое и главное – дисциплина. «Дисциплина – это не про удобно или неудобно, – говорил он, – это про ответственность. Опоздал на пять минут – задерживается выезд. Забыл проверить снаряжение – подвел всю группу в поле. Нарушил технику безопасности – подверг опасности не только себя. Такой человек в поисковом отряде – слабое звено. А слабое звено рано или поздно подведет. И ему нет места в команде».

Именно этого Дима боялся больше всего. Больше, чем плохой оценки, больше, чем маминого недовольства. Он боялся услышать фразу: «На этот выезд, Дмитрий, ты не едешь. Ты не готов». Летний поисковый лагерь в лесу, куда они должны были выехать через две недели, был для Димы не просто поездкой. Это была награда, мечта и итог целого года жизни. Месяцы изучения карт, перебирания пожелтевших архивных дел в краеведческом музее, куда их возил Иван

Сергеевич, тренировок с щупами и металлоискателями во дворе школы – все это было ступеньками к одной-единственной цели: встать в настоящий поисковый строй. Найти. Вернуть имя.

Все ребята из кружка грезили об этом. Все, кроме, пожалуй, Славы. Слава никогда не опаздывал. Он приходил за десять минут, садился за первую парту, раскладывал тетради. И смотрел в окно. Ему было все равно. Он ходил в кружок, потому что так сказал отец, отставной военный, для которого слово «патриотизм» было не пустым звуком. Славу же интересовали только новые наушники и симуляторы гонок на телефоне. «Его точно возьмут, – с горькой обидой думал Дима, вскакивая на очередной пролет. – Возьмут потому, что он дисциплинированный. А меня – нет. И это несправедливо!»

Проклятый будильник! Зачем он вчера переставил его на час позже? И зачем вообще назначили занятие на десять утра в каникулы! Кто встает в каникулы в девять? Иван Сергеевич. Потому что «в лагере подъем в восемь, и вы должны быть к этому готовы».

– Ну и ладно, – бурчал Дима, уже задыхаясь. – Переживу. Зато поиски!

Он выскочил на нужный этаж. В самом конце коридора из-под приоткрытой двери лился свет и доносился голос Ивана Сергеевича.

Дима замер на секунду, чтобы отдышаться. Сердце теперь стучало не от бега, а от страха. Что, если он говорит прямо сейчас о лагере? Зачитывает списки? Что, если он уже вычеркнул опоздавшего?

Дима подошел к двери, затаил дыхание и робко толкнул ее.

Парты в кабинете были сдвинуты к середине, а в центре стоял большой стол, заваленный картами, увесистыми папками и странными предметами: скрученными в ком ржавыми железяками, пробитой каской, несколькими пожелтевшими, осторожно разглаженными листками

в прозрачных файлах. Пахло старой бумагой, металлом и пылью – особым, музейным запахом прошлого.

Дима робко притаился в проеме, как шпион, который боится, что его заметят. У доски, спиной к окну, стоял Иван Сергеевич. Высокий, подтянутый, в темной футболке и камуфляжных штанах. Он не был похож на учителя. Скорее на инструктора, на того, кто знает дорогу. Его взгляд скользил по большой топографической карте, висевшей на доске. Вокруг стола сидели четверо ребят. Все знакомые. И среди них Слава с идеально чистой тетрадкой.

Услышав скрип двери, Иван Сергеевич прервался.

В наступившей тишине четко прозвучал шепот Славы:

– О, командос нашелся! – И он что-то еще быстро проговорил на ухо соседу Мише.

Миша фыркнул в ответ, и оба с удовольствием уставились на растерянного Диму.

Иван Сергеевич повернулся в сторону Славы и Миши. Его взгляд, обычно спокойный, стал жестким и холодным. Шепот и смешки прекратились. Потом тот же взгляд плавно перешел на Диму. И был он таким, что хотелось провалиться сквозь землю.

– Извините за опоздание, – выдавил из себя Дима, сглотнув. – Можно войти?

Иван Сергеевич кивнул. Дима прокрался к свободному стулу у окна. Он чувствовал, как жжет щеки: сейчас огласят списки, и его в них не будет.

Но Иван Сергеевич ничего не огласил и не продолжил разговор про карту. Он отложил указку и, скрестив руки на груди, обвел взглядом ребят.

– Опоздание, – произнес он, – это не просто цифры на часах. Это потерянное время команды. Мое, ваше, общее. В лесу, на раскопе, каждая минута важна. Но раз время уже потеряно, его нужно компенсировать. Дмитрий! – Дима вздрогнул, услышав свое имя. – Возьми в шкафу папку со сводной выборкой по безвозвратным потерям в районе долины реки Черной за 1942–1943 годы. Это мои прошлые выписки из архивных дел. Мне нужно свериться. Выпиши оттуда всех бойцов 214-й стрелковой дивизии, которые значатся погибшими или пропавшими без вести в период с августа по декабрь 1942-го. Аккуратно, разборчиво, в двух экземплярах.

Дима кивнул, чувствуя странное облегчение. Это скучно, нудно, но это дело. Наказание, но не изгнание.

Слава не удержался. Услышав задание, он крикнул и толкнул локтем Мишу:

– Вот тебе и первые «боевые» подвиги – переписывать фамилии.

Миша глупо ухмыльнулся.

Иван Сергеевич живо повернулся к ним.

– Смотрю, вы полны энергии и готовы делиться остроумием, – сказал он с ледяной вежливостью. – Думаю, у вас найдется время и на полезный труд. Миша, Слава, вам – копии схем первичных захоронений из дел 214-й стрелковой дивизии и немецкие трофейные карты этого участка. Ваша задача – перенести все отмеченные на схемах точки на вот эти чистые миллиметровки, в масштабе один к десяти тысячам. Сверяйтесь с привязками на немецких картах. Одна неточность – и мы будем копать не там, где лежат бойцы, а в чистом поле. Все ясно?

– Ясно, – пробормотали Слава и Миша хором. Ухмылки тут же сошли с их лиц.

– Отлично. Остальные – ко мне. – Иван Сергеевич махнул рукой, подзывая Кирилла и Костю. – Привез кое-что с прошлой разведки.

Дима с завистью наблюдал, как Иван Сергеевич достает из коробки завернутые в ткань предметы. Вот показалась пробитая осколком солдатская фляжка, вот – два смертных медаллона, их капсулы хранили тайну. Вот – потускневший орден Красной Звезды, на обратной стороне которого можно было разглядеть номер. Кирилл осторожно взял его в руки, а Костя тут же полез в папку с копиями наградных документов, пытаясь найти совпадение.

«Это и есть оно, – думал Дима, усаживаясь за стол. – Настоящее. Память. А я тут с этой дурацкой выборкой». Но он тут же поймал себя на мысли: а ведь переписывать фамилии – это тоже восстанавливать память. Просто самая черная, бумажная часть работы. Без этого нельзя.

Об этом Иван Сергеевич говорил в самом начале: «Архив – это первый и самый важный раскоп».

Но вдруг дверь кабинета открылась, и вошел директор школы Петр Васильевич с пачкой листов в руках.

– Иван Сергеевич, не помешаю? Прерву ненадолго ваших бойцов, – проговорил он с улыбкой.

– Конечно, Петр Васильевич.

Дима затаил дыхание. Он знал, о чем сейчас пойдет речь.

– Все формальности с нашей стороны улажены, – отрапортовал директор. – Разрешения от родителей собраны, приказы по школе подписаны, маршрутный лист утвержден. Можете начинать сборы. Удачи вам, и, главное, аккуратнее там в лесу!

В кабинете стало тихо, а потом раздался общий сдавленный возглас. Даже Слава ожил. Дима почувствовал, как у него вспотели ладони.

Иван Сергеевич поблагодарил директора и, проводив его взглядом, обернулся к ребятам. Его лицо оставалось серьезным, но в уголках глаз заплескали знакомые всем лучики.

– Ну что ж, – сказал он. – Теперь это официально. Отъезд в полевой лагерь «Поиск памяти» состоится в субботу, четырнадцатого июня. В восемь утра, от крыльца школы. Ни минутой позже. – Он на секунду задержал взгляд на Диме, а потом скользнул глазами по Славе и Мише. – Сборы – по списку, который я раздам в конце занятия. Все необходимое взять. Родителей предупредить. Вопросы есть?

Вопросов не было. Только немое, ликующее потрясение. Дима ждал подвоха: а вдруг его вычеркнут. Но Иван Сергеевич, еще раз обведя всех взглядом, закончил просто и ясно:

– В эту поездку едем все.

Все. Значит, и он. Дима опустил голову, чтобы скрыть радостную дрожь в уголках губ. Он поедет. Неважно, что придется всю ночь переписывать эти скучные фамилии. Он поедет на поиски!

Глава третья

Иван Сергеевич

Иван Сергеевич собрал последние бумаги в папку и защелкнул замок. За окнами стоял жаркий день, наполненный гулом города. Солнечные лучи врывались в кабинет, прорезая воздух золотой пылью. Он накинул ветровку, закинул за плечо увесистый рюкзак и вышел в коридор, прикрыв за собой дверь.

Школа на каникулах – особое место. Это не зимняя спячка под снежным покровом, а летнее оцепенение в духоте и тишине. Звонкие детские голоса, обычно рвущие эту тишину на клочки, теперь звучали снаружи, за распахнутыми настежь окнами, утопая в отдаленном шуме машин. Здание дышало медленно и глубоко, будто набиралось сил перед новым учебным годом.

Иван Сергеевич шел глядя под ноги. Чувство было странным – смесь облегчения и новой тяжелой ответственности. Все разрешения получены, все инстанции пройдены, маршрут утвержден. Через две недели он повезет свою маленькую пеструю команду в лес, к тем самым местам, которые годами изучал по картам и архивным сводкам. Он шел к этому долго. Очень долго.

Думал ли он, будучи когда-то прорабом, что станет кем-то другим? Нет. Его мир тогда ограничивался краями сметы, графиком работ и бесконечным поиском себя в чужом деле. Однако он вырос в семье, где прошлое было не абстракцией, а осязаемой реальностью.

Мать – учительница истории – говорила о Сталинграде и блокаде Ленинграда так, будто сама это видала. Отец – кадровый офицер – не любил воспоминаний, но его молчаливая подтянутая строгость была красноречивее любых слов. Из этого союза – страстного слова и железной дисциплины – и родился Иван. Он поступил на истфак, движимый материнской романтикой, но ушел после второго курса, не вынеся скучной теории. Иван отправился в армию, но понял, что военная карьера – это опять рамки, теперь уже совсем тесные. Попробовал себя в строительстве. Деньги были, уважение – тоже, но внутри зияла пустота, которую не могли заполнить ни возведенные стены, ни одобрение начальства.

Перелом случился восемь лет назад, почти случайно. Друг-археолог позвал волонтером на «вахту памяти» – так назывались тогдашние полулюбительские раскопки. Иван поехал от скуки. И там, в холодном, сыром апрельском лесу, впервые опустив шуп в землю, он что-то понял. Понимание пришло не как озарение, а как физическое ощущение. Под пальцами, в комке вязкой глины, он нащупал пуговицу со звездой. Не на картинке, не в витрине. В земле. Эта пуговица лежала там, где ее обростили или где упал вместе с ней ее хозяин. В тот миг история перестала быть строкой в учебнике. Она стала осязаемой: пахнувшей железом и тленом.

Он ушел со стройки, потратив сбережения на первые собственные экспедиции. Вначале, что скрывать, был соблазн. Деньги заканчивались быстро, а вокруг кипел «черный рынок» находок – «железо», «реликвии». Он даже работал какое-то время с одним типом, бывшим солдатом, у которого был нюх на места боев, убеждая себя, что это плата за возможность искать дальше и что он продает не имена, а просто вещи. Пока однажды к нему не пришла старушка с потертым треугольником фронтового письма и выцветшей фотокарточкой. Она не могла найти могилу отца, пропавшего без вести в сорок третьем году. Иван, движимый непонятным ему пока чувством, потратил месяцы. И он нашел. Простую солдатскую ложку с инициалами – под корнями старой ели. На перезахоронении старушка плакала, а потом сказала: «Спасибо. Теперь мне есть куда прийти».

Тогда Иван порвал все связи с «черным рынком» и с тем самым напарником, который назвал его сентиментальным дураком. С тех пор он запомнил навсегда: «Мы не ищем трофеи.

Мы ищем имена». Он организовал кружок, вложил в него душу и остатки денег. Потом появились спонсоры, поверившие в его дело, кабинет в школе, карты, папки. Появилась и команда мальчишек. В их глазах он иногда видел тот же огонь, который когда-то зажегся в нем самом.

Но была в жизни Ивана и другая история, тихая и болезненная. Несколько лет назад по работе он близко сошелся с одним человеком, прямым, честным и порядочным. Этот человек служил кинологом. А потом этот кинолог погиб на боевом задании.

Иван одним из первых пришел в его квартиру. Он видел опустошенные глаза жены друга. Его маленькую дочь, не до конца понимавшую, почему все плачут. И старшего сына – подростка, на лице которого застыла ненависть ко всему миру. Иван не мог просто так уйти. Он начал помогать. Сначала по мелочи – починить протекающий кран, привезти продукты, разобраться с платежками. Потом помощь стала регулярной и превратилась в своеобразный ритуал. Он видел, как женщина понемногу возвращается к жизни: в ее взгляде появилась благодарность, а потом и тихая, осторожная надежда. Он и сам ловил себя на мысли, что в этой хлопотной заботе, в этой маленькой, наполненной горем, но живой квартире он чувствует себя нужным. А как раз этого ему так не хватало.

Но для подростка, потерявшего отца, Иван был предателем. Каждый его визит, каждая оказанная помощь воспринимались как попытка стереть память о родном человеке и занять его место. Мальчик отгораживался молчанием, глядел исподлобья, а иногда и открыто вспыхивал. Эта стена отторжения ранила Ивана сильнее, чем он мог себе признать. Если бы не это сопротивление... Если бы не эта детская, святая в своей жестокости верность тени отца, Иван был бы готов остаться в той квартире навсегда. Взять на себя груз семьи, стать опорой.

Но ненависть мальчика стала для него неприступной крепостью. И Иван Сергеевич, который умел находить тропинки в самых глухих лесах и разгадывать тайны немых артефактов, не знал, как подступить к этой живой, страдающей душе. Он мог лишь терпеливо, раз за разом, приходить и делать то, что считал своим долгом. Надеясь, что когда-нибудь стена даст трещину.

Иван Сергеевич вышел из школы на почти пустую, залитую ярким солнцем парковку. Достал ключи от своего старого внедорожника. Сегодня – пятница. А по пятницам он всегда заезжал к семье друга. С продуктами, с какими-нибудь новостями, с предложением своей неуклюжей помощи.

Иван Сергеевич завел двигатель, и привычный звук мотора нарушил тишину. Он вздохнул и тронулся с места.

Глава четвертая

Выбора нет

Сквер был как все: асфальтовые дорожки, облупленные лавочки, две кривые березы у входа. Витька брел по центральной аллее. Бой – чуть впереди, поводок свободно лежал в руке. Пес шел, обнюхивая столбики и кусты. Витька просто дышал, стараясь ни о чем не думать. Это почти получалось.

Впереди, у дальней лавочки, толпились парни лет по пятнадцать. Один из них держал на коротком поводке коренастого Стаффорда. Увидев Боя, тот натянул поводок, зарычал и дернулся вперед. Парень обернулся. Витька намеренно посмотрел в другую сторону и направился к выходу. Но аллея была одна.

– Эй, пацан! – раздался оклик.

Витька сделал вид, что не слышит.

– Ты, с овчаркой! Убери свою псину на поводок! – крикнул тот же парень уже громче.

– Пес на поводке, – буркнул Витька, продолжая идти.

– Не видно твоего поводка, умник! – засмеялся кто-то, сидевший на лавочке. – У тебя он длиной на полкилометра, что ли?

– Сворачивай, а то мой пес твоего порвет! – Хозяин стаффа нагло уставился на Витьку.

Витька разозлился. Его обвиняли в том, чего нет. Бой вел себя идеально.

– А твой на поводке вообще еле держится, – сквозь зубы бросил Витька, не останавливаясь.

– О-па! – Парень со Стаффордом сделал пару шагов от лавочки, перекрывая путь. Его собака тут же с лаем рванула вперед. – Ты мне еще указывать будешь? Катись отсюда, пока цел. И псину заberi, а то ща отпущу – моя за две секунды с вами обоими разберется.

Бой встал как вкопанный, издав из глубины груди рык – низкий и злой. Стаффорд на мгновение захлебнулся лаем. Хозяин едва удержал его.

– Убери собаку! – заорал он.

– Только тронь! – Витька вцепился пальцами в ошейник Боя, но не сошел с места.

Парни за спиной зашевелились, поднялись с лавочки.

– Да пошли отсюда, забей, – пробормотал кто-то.

– Ты еще об этом пожалеешь! – кинул через плечо хозяин стаффорда, отступая и с трудом таща за собой взбешенного пса.

Они ушли, огрызаясь уже вполголоса.

– Нужно было вмазать ему, – выдохнул Витька, глотая воздух.

Внутри все кипело – ярость, унижение, едкая гордость. Бой поднял морду и посмотрел на него. Его взгляд был спокоен и внимателен.

– Что смотришь?.. Осуждаешь? Мне все равно, – проворчал Витька. – Отец бы никогда не уступил таким дебилам. Я знаю.

Они подошли к своему дому только через час. Витька вел Боя дальними дворами, ему хотелось подышать, побыть одному.

Витька вошел в квартиру, пропустив пса вперед. В прихожей было душно. Витька щелкнул карабином, отстегивая ошейник.

– Мам, представляешь, – начал он, сворачивая длинный поводок, – в сквере какие-то дебилы со Стаффордом пристали к нам с Боем.

Из кухни в коридор с телефоном в руке вышла мать. Она посмотрела на Витьку с такой усталостью, что у него перехватило дыхание.

– Мне только что звонили, – сказала мать ровным, деревянным голосом. – Мама одного из этих «дебилов». Сказала, что ты натравил собаку на ее сына. И он теперь в шоке. Они хотят написать заявление в полицию.

– Чего?! – задохнулся Витька. – Да они сами! Бой ничего не сделал!

– Хватит! – отрезала мать, даже не повысив голос. – Витя, у меня больше нет сил. Нет сил бояться, что кто-то позвонит и скажет, что эту собаку, – она махнула рукой в сторону Боя, который стоял насторожившись, – что ее изымут у нас и усыпят. Всё. Точка. Я сегодня же позвоню в часть, а завтра они за ним приедут.

Витька замер.

– Ни... нет, – выдавил он. – Я не отдам. Никогда.

– Ты должен принять! – Голос матери наконец сорвался, став высоким и надтреснутым. – Папа погиб! Погиб! Его нет! А мы есть! И мы должны жить! А если из-за этой собаки с тобой что-то случится? Или с Варей!

На пороге гостиной, прижав к груди старого плюшевого зайца, стояла Варечка. Услышав мамины слова, она захныкала:

– Мамочка, не надо отдавать Боя, пожалуйста.

В этот момент раздался негромкий, но четкий стук в дверь. Бой насторожился. Мать опустила руки, растерянно глянув на часы. Витька сжал в руках сложенный поводок. Дверь приоткрылась – она была не заперта.

На пороге стоял Иван Сергеевич. В одной руке – полупрозрачный пакет с французским багетом и разными цветными упаковками, в другой – пакет поменьше. Он застыл на секунду, окинул взглядом заплаканное лицо Вари, уставшую мать, напряженного Витьку и собаку у его ног.

Иван Сергеевич вошел в квартиру и аккуратно поставил пакеты на табуретку для обуви.

– Помешал?

Мать бессмысленно мотнула головой, вытирая ладонью щеку.

– Нет, нет, Иван, проходи. Мы тут проблему решаем. Точнее, решили.

– Ничего мы не решили! – резко возразил Витька и уставился на свои руки. – Бой останется.

– Все ясно. – Иван Сергеевич пристально посмотрел на Витьку.

Он сделал шаг и присел на корточки прямо перед Боем. Пес уставился на него своими темными, внимательными глазами.

– Вить, мое предложение еще в силе. Поехали в лагерь? На две недели.

– Точно! – тут же, с облегчением, подхватила мать. – Поезжай, сынок, смени обстановку. А Боя мы на это время... куда-нибудь пристроим. К знакомым. И все успокоится.

Витька обомлел. Он уже хотел было крикнуть, что никуда без Боя не поедет, но Иван Сергеевич опередил его:

– И собаку возьмем.

Мать замерла в недоумении.

– Ты что, Ваня? Собаку в лагерь? Ты с ума сошел? Кто тебе разрешит?

Иван Сергеевич как отрезал:

– Это уже моя забота. Разберусь.

Он пристально посмотрел на Витьку. Было видно, как сложно тому согласиться на эту поездку. Сложно признать, что сейчас именно Иван Сергеевич может решить его проблему. Хоть на время, хоть как-то, но решить.

Витька не смог выговорить ни слова. Он сглотнул ком в горле и, не глядя ни на кого, резко и отрывисто кивнул.

Глава пятая

Инцидент

Старый пазик с яркими подтеками ржавчины достался Ивану Сергеевичу в аренду за копейки – на новый автобус денег не было. И пока он не подводил. Но на полпути к лагерю, под мелким назойливым дождем, заглох – всхлипнул и замер, будто решил: хватит, пора отдохнуть.

Иван Сергеевич вместе с пожилым шофером склонился над открытым капотом, из которого валил легкий пар.

В салоне стало скучно. Слава, Миша, Костя и Кирилл уставились в экраны телефонов, лишь изредка перебрасываясь короткими фразами про мобильную игру или смешное видео. Мир за мутными от капель окнами – хмурый и бесконечный – их не интересовал.

Витька сидел на последнем сиденье, уткнувшись лбом в холодное стекло. Бой устроился у его ног, положив тяжелую голову на лапы.

Витька вспоминал, как еще две недели назад не хотел ехать, сопротивлялся, но в итоге сдался: молча собрал вещи, купил большой мешок корма для Боя, уложил миски. И вот теперь он здесь. И странно: когда городские пятиэтажки остались далеко позади, Витька почувствовал облегчение. Наверное, потому что в городе он устал. Устал от школы, от троек в дневнике, от жалостливых взглядов учителей и родителей одноклассников. Устал от матери, которая из всех сил старалась, но ее забота была похожа на попытку заклеить рваную рану пластырем: боль не уходила, просто становилась глухой, тлеющей.

Витька не хотел ничего забывать. Забыть для него значило бы предать. Он помнил каждый миг того дня. Как услышал из комнаты неестественно высокий, испуганный голос матери. Как вышел в коридор и увидел в дверях двух мужчин в военной форме и между ними – Боя. Как услышал слова, которые навсегда врезались в память: «...погиб при исполнении... героически...» И как потом, уже сквозь туман шока, узнал: собаку списали из-за возраста... хозяина нет... если никто не возьмет – в приют.

О приюте не могло быть и речи. Бой – последняя живая нить, связывающая его с отцом. Но у этой нити был свой непростой характер.

Бой – не только умная собака. Он солдат, прошедший службу. Отец как-то обмолвился шутя: «Иногда мне кажется, Бой не меня слушает, а сам учит, как правильно поступать». Для Боя отец был вожаком, законом. Теперь, когда вожака не стало, Бой занял его место. А Витьку он воспринимал именно так, как и положено вожаку воспринимать подростка в стае – как младшего брата. Его нужно охранять, опекать, иногда мягко направлять. Но не слушаться. И это ранило Витьку. Он видел: Бой идет рядом не потому, что признает в нем лидера, а потому что должен защищать. Именно этого и боялась мать: в критический момент Бой примет свое, «взрослое», решение, а Витька ничего не сможет поделать. Потому что он – не вожак. Но Витька был уверен в обратном: Бой никогда не сделает ничего плохого. Он обучен и всегда принимает правильное решение. Даже если оно идет вразрез с Витькиным.

Дверь автобуса со скрипом открылась, впуская сырую прохладу. Витька вздрогнул, оторвавшись от стекла. Бой тут же поднял голову, насторожив уши.

– Давай проветримся, – сказал Витька больше себе, чем псу, и Бой встал на лапы.

Витька выпрыгнул на обочину и натянул капюшон. Дождь не переставал моросить. Воздух пах мокрой землей, хвоей, свободой. Витька отошел подальше от автобуса, от копошащихся у капота взрослых, от скучающих пассажиров. Он просто стоял, давая Бою обнюхать придорожную траву, и слушал тишину, которую нарушал только шелест дождя да отдаленные возгласы Ивана Сергеевича и водителя.

Из автобуса, пригнувшись, вылез и Дима. В руке он держал пухлую пачку чипсов. Увидев Витьку, Дима замялся, словно хотел подойти, но потом передумал и пристроился у заднего бампера.

В этот момент из-за поворота на большой скорости вылетели два велосипеда. На них – двое местных пацанов, лет по четырнадцать. Тот, что впереди, рулил одной рукой и что-то кричал через плечо своему напарнику. Проезжая мимо, первый ловко выхватил из Диминых рук пачку чипсов и, откатив на пару метров, резко затормозил, развернув велосипед в заносе. Парень зачерпнул горсть чипсов и с шумом втокнул ее в рот. Он жевал с преувеличенным удовольствием.

– Вкуснотища! На! – Парень с той же наглой усмешкой протянул пачку другу.

Оба заржали.

Дима замер. Он смотрел на свои пустые руки с таким выражением, будто у него не чипсы выхватили, а честь украли.

Витьку ударило знакомое чувство – та же ярость, что и в сквере. Он рванулся вперед.

И тут же перед ним встал Бой. Пес оказался на пути раньше, чем Витька успел сделать второй шаг. Он заблокировал дорогу телом и упрямо смотрел на Витьку. В его темных глазах читался приказ: стой.

– Я сам! – прошипел Витька, обходя Боя. – Не лезь.

Он уверенным шагом подошел к пацану вплотную и изо всех сил ударил ногой по переднему колесу его велосипеда. Металл звякнул. Велосипед дернулся, парень едва удержал равновесие. Витька вцепился ему в куртку, дернул на себя и вырвал из руки смятую пачку.

Бой молниеносно вклинился между Витькой и пацаном, разделяя их своим телом.

Пацан отшатнулся и быстро вскочил в седло.

– Псих! – крикнул он, разворачивая велосипед, и быстро, даже не садясь в седло, закрутил педали, уезжая с места конфликта. Его друг рванул следом.

Из-за капота пазика на шум вышел Иван Сергеевич. Он вытирал руки тряпкой. Из дверей высунулись Слава и Миша, к окнам прилипли Кирилл с Костей.

– Что случилось? – спросил Иван Сергеевич.

Витька промолчал. Он сунул пачку чипсов в оцепеневшие руки Димы и, заходя в двери автобуса, обернулся.

– Бой, за мной, – бросил он отрывисто.

Бой стоял на месте. Секунду. Другую. Потом резко развернулся и поспешил за хозяином.

Иван Сергеевич молча покачал головой и вздохнул.

– Дядя Коля, как дела? – крикнул он водителю.

Из-под капота донесся хриплый отклик:

– В норме, Иван Сергеич! Едем!

Двигатель зарычал.

– Все по местам!

Дверь захлопнулась, и автобус тронулся, оставляя позади мокрые следы на асфальте.

Глава шестая

Лагерь

Пазик, урча, въехал на поляну и замер. Было уже около часа после полудня. Иван Сергеевич выбрал это место заранее – удобное, ровное, в центре тех участков, где предстояло искать.

– Приехали, – сказал Иван Сергеевич, первым спрыгивая на влажную, примятую траву. – Всё выгружаем.

Ребята выносили из автобуса коробки, свернутые палатки, канистры с водой, мешки с продуктами, ящики с инструментами. Через полчаса на краю поляны выросла приличная гора вещей.

– А теперь начнем обустраиваться, – объявил Иван Сергеевич. – Первое – устанавливаем палатки. Они у нас двухместные. Кто с кем – решайте сами.

Слава тут же дернул Мишу за локоть.

– Я с Михой, – сказал он, хватая одну из палаток. – Тащи рюкзаки.

Миша покорно поплелся за Славой с рюкзаками.

Кирилл и Костя, не сговариваясь, выбрали соседнюю палатку и принялись ее расчехлять. Остались Витька, Дима и последняя палатка.

Иван Сергеевич кивнул в их сторону:

– Ставьте рядом со мной.

Витька молча поднял тюк с палаткой и отнес его чуть в сторону, подальше от шумной возни Славы и Миши. Дима, волоча свой рюкзак, последовал за ним.

Ставить палатку Витька умел. Отец учил его несколько лет назад, и движения вспомнились сами собой: развернуть тент, собрать дуги, вбить колышки. Дима вертелся рядом, то и дело оказываясь под ногами.

– Я... я могу помочь, – робко предложил он, когда Витька выравнивал растяжку.

– Хочешь помочь – не мешай, – отрезал Витька, не глядя на него.

Палатка встала ровно и крепко. Дима, видя, что дело сделано, все же набрался смелости:

– Спасибо... за чипсы. Я бы так не смог.

Витька наконец поднял на него взгляд. Короткий, пустой, будто сквозь стекло.

– И не надо, – бросил он и отвернулся.

В это время Иван Сергеевич разложил на траве большой брезентовый тент и поставил складной походный стол.

– Ребят, кто свободен, помогите, – позвал он.

Слава, успевший устроиться на коврик у своей палатки, не отрываясь от телефона, буркнул:

– Я устал. Пусть другие.

Миша смущенно переминался с ноги на ногу, глядя то на Славу, то на Ивана Сергеевича. Кирилл с Костей всё еще возились со своей палаткой, распутывая веревки.

Витька, не говоря ни слова, подошел к Ивану Сергеевичу, взял один угол тента и начал натягивать его на вбитые в землю колышки. Дима тут же ухватился за другой угол.

Костя, наконец справившись с палаткой, подбежал помочь. Кирилл остался доделывать растяжки, но тоже косился в их сторону.

Когда тент был готов, Кирилл и Костя принесли под тент семь складных походных стульев. Брезентовые сиденья, алюминиевые ножки – легкие, удобные. Кирилл расставил их вокруг стола, Костя поправил, чтобы стояли ровно.

Иван Сергеевич оглядел лагерь. Его взгляд задержался на двух сухих елях, валявшихся на краю поляны.

– Вить, – позвал Иван Сергеевич, кивая в сторону упавших деревьев. – Посмотри, если срубить ветки, будем на них сидеть у костра.

Витька взял топор из ящика с инструментами и начал работу. Топор в его руках двигался уверенно, с глухим ровным стуком. Дима тут же сгребал отрубленные еловые ветки в сторону.

Миша взял лопату и стал расчищать площадку для костра – снимать дерн, углублять яму, чтобы угли не разлетались.

– Иван Сергеич, – позвал Костя. – А дрова? Для костра что собирать?

– Ель сырая, – сказал Иван Сергеевич. – Гореть будет, но дыма от хвои много, жару мало. Лапник не годится. Нам сухой валежник нужен. Береза, осина. Я схожу посмотрю.

– Я с вами! – вызвался Кирилл.

– И я, – добавил Костя.

Они ушли в лес, оставив за спиной мерный стук топора.

Витька закончил с первой елью и перешел ко второй. Дима, раскрасневшийся, уже не просто сгребал – он носил лапник в одну кучу у края поляны.

– Эй, – громко позвал Витька.

Он выпрямился, держа топор в опущенной руке, и смотрел прямо на Славу.

– Помоги ветки убрать.

Слава медленно, с явным раздражением, оторвался от экрана.

– Чего? – Слава оглядел ребят. – Вас там и так трое. Я устал.

Витька сделал шаг в сторону Славы. Боковым зрением он заметил движение – Бой, лежавший у палатки, поднял голову. Уши встали торчком, тело напряглось.

– Тент натянуть – устал, – чеканя слова, сказал Витька. – Ветки убрать – устал. Может, и жрать потом за тебя кто-то будет?

На лице Славы расплылась наглая, вызывающая усмешка.

– Не-е, – протянул он. – Жрать я сам буду. А готовить будешь ты. Раз такой работающий.

Слава снова демонстративно уткнулся в экран телефона.

Витька злился. Очень хотелось врезать Славе. Очень. Чтобы эта наглая ухмылка наконец сползла с его лица. Но где-то в глубине сознания шевельнулась холодная взрослая мысль: начинать поездку с драки – глупо.

В этот момент из леса, волоча за собой валежник, вернулся Иван Сергеевич. За ним, нагруженные хворостом, брели Кирилл и Костя.

– Лавочки сделали? – спокойно спросил Иван Сергеевич. Его взгляд скользнул по Витьке, по Славе и по Бою, который, увидев Ивана Сергеевича, не спеша опустился на землю. – Хорошая работа.

Когда место для костра было готово и две охапки хвороста лежали рядом, Иван Сергеевич отложил в сторону канистру с жидкостью для розжига.

– Сегодня обойдемся без этого, – сказал он и встал на колени у сложенной горки веток. – Подойдите все сюда. Смотрите.

Иван Сергеевич взял в руки еловую ветвь, покрытую мшистой сырой корой.

– Сверху – мокро, гнило. Но внутри...

Он ударил обухом топора по середине ветки. Та с хрустом раскололась, обнажив сухую и смолистую белую сердцевину.

– Вот она, наша «зажигалка». Сухая при любой погоде.

Иван Сергеевич отколол несколько плашек, затем взял нож и, придерживая дерево уверенной рукой, начал снимать длинные, тонкие, почти прозрачные стружки. Они падали ему на колени, завиваясь колечками.

– Это – пух. Вспыхнет от одной искры.

Потом Иван Сергеевич взял чуть более толстые щепки и сложил их над кучкой стружек домиком, а сверху выстроил еще «колодец» из тонких веточек. Ребята притихли. Даже Слава, стоявший поодаль, смотрел не отрываясь.

Иван Сергеевич чиркнул спичкой.

Искры посыпались на стружки. Одна, вторая... Тонкая струйка дымка потянулась вверх. Вспыхнуло первое робкое пламя – золотое, неровное.

Иван Сергеевич наклонился и осторожно раздул его, сложив ладони рупором.

Огонь окреп. Перекинулся на щепки. Захватил «колодец», загудел, заиграл оранжевыми языками.

Иван Сергеевич выпрямился, посмотрел на ребят.

– Это знание может спасти вам жизнь, – сказал он, когда огонь уверенно занялся, потрескивая и отбрасывая жар. – Заблудиться в лесу проще простого, а вот выжить в нем, пока ждешь помощи, очень сложно.

Потом началась простая кухонная суэта. Иван Сергеевич поставил на треногу над огнем большой, почерневший от многих походов котелок с водой. Кирилл, Миша и Костя, вооружившись ножами, уселись на одно из бревен с ведром картошки. Сначала очистки летели криво и толсто, но постепенно работа пошла увереннее.

Рядом Дима, сгорбившись с непривычки, старательно резал буханку черного хлеба толстыми, неровными ломтями. Витька, не спрашивая ни у кого, взял консервный нож и одну за другой вскрыл четыре банки тушенки. Мясной, плотный запах моментально смешался с дымом костра, отчего у всех невольно засосало под ложечкой.

Слава, который до этого все время сидел, уткнувшись в телефон, покосился на Ивана Сергеевича. Тот размешивал картошку в котелке, проверяя ее готовность. Потом Слава взглянул на остальных – все занимались делом. С недовольным, глубоким вздохом, будто совершая подвиг, он сунул телефон в карман, подошел к столу и принялся раскладывать миски, ложки и кружки – с преувеличенной, демонстративной аккуратностью.

К тому времени, когда обед был готов, солнце уже значительно сместилось, отбрасывая от леса длинные холодные тени на поляну. Но тепло от костра и тяжелых дымящихся мисок согревало все вокруг. Ребята устроились на тех самых еловых бревнах. Негромко потрескивали дрова и звенели ложки. Усталость после дороги и работы была приятной. Даже Витька, сидевший чуть в стороне, ощутил это странное чувство – простое физическое удовлетворение от сделанного дела и теплой еды. Он бросил Бою кусочек мяса – не в качестве поощрения за выполненную команду, а просто так. Бой поймал кусок на лету, легко, почти незаметно проглотил его и продолжил лежать, положив морду на лапы.

Это была еще не дружба. Это была тихая общая усталость после работы. И в этой усталости не осталось места для старых обид или отчуждения. Остались только тепло костра, вкус еды и понимание, что первый трудный шаг они преодолели вместе.

Иван Сергеевич допил чай, оглядел своих таких разных, но одинаково уставших бойцов. В уголках его глаз обозначились лучики – первая улыбка за день.

Глава седьмая

Черный копатель

После обеда под тентом, на походном столе, Иван Сергеевич расстелил топографическую карту и выставил перед собой небольшой ящик. Ребята, сытые и сонные, потянулись к столу без особой охоты. Слава зевнул, Кирилл с Костей перешептывались. Дима с готовностью занял место рядом со столом.

Витька подошел последним, сделав вид, что ему не интересно. Он пристроился с краю, прислонившись к стойке тента. Бой, дремавший у палатки, поднял голову и, лениво потянувшись, подошел и уселся чуть в стороне, в тени.

Иван Сергеевич открыл ящик. Не торопясь, бережно, он вынимал и раскладывал на карте предметы, завернутые в ткань. Ржавая, помятая солдатская кружка с отбитой ручкой. Горсть потемневших гильз. Пробитая осколком алюминиевая фляга. Простая ложка с едва читаемыми инициалами. Последней была каска, тяжелая, стальная, с рваной, ржавой дырой над левым виском.

Ребята притихли, рассматривая артефакты.

– Первое и главное правило, – сказал Иван Сергеевич. – Мы не ищем трофеи. Мы ищем имена.

Он поднял каску.

– Видите? – Его шершавые пальцы провели по краю рваной дыры. – Пуля или осколок. Человек в этой каске погиб. Его история на этом закончилась.

А наша – началась. Найти его имя – значит дочитать эту историю до последней строчки. До точки. И поставить свою.

Витька перестал ерничать. Взгляд зацепился за темное отверстие в стали. Небольшое, почти аккуратное. И от этого – еще страшнее. Он представил, как эта сталь, холодная и твердая, вдруг стала хрупкой, как яичная скорлупа. На секунду ему почудился запах пороха и крови – но нет, пахло только дымом от костра.

– Второе правило, – продолжил Иван Сергеевич, возвращая каску на стол. – Мы здесь не для того, чтобы копать могилы. Наша задача – быть разведкой. Прочесать лес, послушать землю. Нашли сильный сигнал, ржавую железяку, гильзу, пуговицу – ставим метку на карте и втыкаем в землю колышек. Потом сюда приедет взрослая команда и поднимет бойцов по всем правилам. Мы – их глаза и уши.

Он обвел внимательным взглядом мальчишек.

– Вопросы есть?

Ребята молчали. Каждый додумывал что-то свое. И в это молчание грубо ворвался рев двигателя. Все разом обернулись.

На поляну влетел ржавый уазик. Он резко затормозил в двух десятках метров от тента.

Бой вскочил и весь напрягся. Потом прозвучал один отрывистый предупреждающий лай.

– Бой, место! – бросил Витька, стараясь, чтобы голос звучал твердо.

Бой не слушал его. Он перестал лаять, но не сходил с места и рычал.

Из уазика вылез высокий сутулый мужчина лет пятидесяти в поношенной куртке и грязных кирзовых сапогах. Он услышал рычание и остановился, медленно, оценивающе оглядев Боя. На его обветренном лице появилась кривая недобрая ухмылка.

С пассажирской стороны выскочил парень лет четырнадцати, с угловатым насмешливым лицом. Витька и Дима сразу узнали его. Тот самый парень с дороги, который вырвал чипсы. Он облокотился на крыло машины и с явным удовольствием наблюдал за происходящим.

– Здорово, Сергеич! – хрипло произнес мужчина. – Гляжу, ты не только пацанов в лес привез, но и шавку завел. Охранять будешь свои бумажные карты?

Витька почувствовал, как в нем нарастает раздражение.

– Я сказал – место! – повторил он Бою, но уже тише.

Бой бросил на него быстрый взгляд. Рычание прекратилось. Он замер, не сводя глаз с мужчины.

Тот, будто не замечая Боя, неспешной, развалистой походкой направился к тенту, грубо отодвинул замершего у стола Диму, взял со стола компас, покрутил его в грязных с обломанными ногтями пальцах и с презрением швырнул обратно.

– Зря упрямисься, Сергеич, – сказал незнакомец. – Лес большой, всем хватит. Делить будем по-братски. Мне – семьдесят, тебе – тридцать. Тебе ведь много не съесть.

Он сипло засмеялся.

Иван Сергеевич стоял неподвижно.

– Ты меня с кем-то путаешь, Григорий, – произнес он ровно, не повышая тона. – Я памятью не торгую.

Мужчина будто ждал этого. Его лицо исказилось. Смешок сорвался, сменившись внезапной яростью.

– А ты меня не стыди! – взревел он, ударяя себя кулаком в грудь. – Здесь моя наука! Меня война выучила! Я выжил! А теперь нищета. Так что мне должны!

– Выжил, – повторил Иван Сергеевич тем же ледяным тоном, – чтобы могилы рыть?

Мужчина замер, словно его ударили. Он наклонился к Ивану Сергеевичу так близко, что тому, наверное, стало слышно его тяжелое дыхание.

– Свое заберу, – прошипел он. – Железом или золотом. А ты не мешай.

Иван Сергеевич не отступил.

– Там ты солдатом был. А здесь – могильный вор. Проваливай.

Мужчина молниеносным движением смахнул со стола карту и компас. Бумага полетела на землю, компас со звоном ударился о камень.

Бой сделал резкий выпад и застыл, издав низкое, предупреждающее рычание. На этот раз он смотрел прямо в глаза незнакомцу.

Тот задержал на собаке взгляд, сплюнул, развернулся и зашагал к своей машине.

– Не путайся под ногами, – бросил он через плечо, не оборачиваясь. – Пацанов своих короче держи. А то в лесу всякое бывает... ненароком и зашибить можно.

Он втиснулся за руль, грубо захлопнув дверь. Парень у машины перед тем, как запрыгнуть внутрь, злобно крикнул:

– Эй, городские! Лесного призрака бойтесь! Он чужаков не любит!

Узик с ревом рванул с места, развернулся и исчез в зеленом тоннеле лесной дороги.

Иван Сергеевич молча наклонился, поднял карту и компас.

Дима, бледный от волнения, перевел испуганный взгляд с дороги на Витьку. Слава перестал зевать. Кирилл и Костя раскрыли рты.

Бой все еще был настороже, но Витька подошел и положил руку ему на макушку, между ушами. Бой на секунду замер, потом повернул голову и ткнулся влажным носом ему в ладонь. Потом наконец расслабился, тяжело вздохнул и лег.

Иван Сергеевич положил компас на стол.

– Видели? – Он обвел взглядом притихших ребят. – Вот с кем предстоит бороться. Не за клад. За память. И она того стоит.

Глава восьмая

Срыв

Иван Сергеевич стоял над картой, его руки вцепились в край стола. Но видел он не контуры лесных массивов и ручьев, а лицо – обветренное, со впалыми щеками и пустыми глазами, в которых тлела жадность. Глаза могильного вора.

Витька стоял чуть в стороне, спиной к лагерю, и всматривался в просеку, где скрылась машина. Бой сидел у его ног, не сводя внимательных глаз с леса.

Слава не выдержал первым.

– Вы слышали?! – Его голос сорвался, в нем смешались испуг и агрессия. – Сказал: в лесу всякое бывает! Это же прямая угроза! Надо валить отсюда!

Витька резко обернулся. В его взгляде вспыхнула ярость – он терпеть не мог трусов.

– Хвост поджал?! – бросил он отрывисто. – Беги.

– Совсем, что ли? – Слава вспыхнул, сделал шаг вперед. Его лицо покраснело. – Это ты виноват! Со своими понтами! Из-за тебя он сюда явился!

Бой мгновенно поднялся на лапы и недобро посмотрел на Славу.

Витька шагнул навстречу. Его лицо, обычно непроницаемое, исказила скупая, жесткая злость.

– Повтори. – В голосе слышалась глухая обида.

Бой тут же сместился, встав между Витькой и Славой живым барьером.

– Своего пса натравишь? – выкрикнул Слава, пытаясь казаться увереннее.

– Он сам решает, кто трус, – прошипел Витька сквозь зубы.

И он рванулся на Славу. Быстро, неожиданно, без замаха – просто короткий, резкий толчок в плечо. Слава ахнул, зацепился за корень и тяжело рухнул на сырую, холодную землю.

Бой, который до этого только рычал и скалился, залился лаем.

Иван Сергеевич метнулся к ним:

– Хватит!

Он грубо, со всей силы схватил Витьку за грудки и отшвырнул его, заставив споткнуться и отлететь на пару шагов.

– Драка – и вы оба дома, – отрезал Иван Сергеевич. – Ясно? Один удар – и экспедиция для вас окончена.

Он помолчал, потом обратился уже ко всем:

– Того человека зовут Григорий Поленов. Он – могильный вор. «Черный копатель»: раскапывает солдатские кости не для памяти. Грабит могилы, чтобы продать пряжку, медальон, орден. Каждой проданной вещью он стирает имя. Навсегда. Из-за таких, как он, ваши прадеды так и остаются «пропавшими без вести». Потому что доказательств нет. Потому что их историю продали на черном рынке.

– А вы? – раздался в полной тишине голос Витьки. Он смотрел на Ивана Сергеевича исподлобья, с вызовом. – Ни разу не копали на продажу?

Иван Сергеевич не опустил глаза. Он выдержал этот взгляд.

– Было, – честно сказал он. – А потом я понял, что продаю не железо. А чью-то боль. Чью-то несложившуюся судьбу. Чей-то последний шанс узнать правду. Это... предательство... памяти. Больше – никогда.

После этих слов будто черта прошла – между «до» и «после». Витька молча кивнул – коротко, резко. Больше ничего не требовалось.

– Кто хочет уехать – скажите сейчас. Без осуждения, без упреков. Кто останется – будет работать. Без драк. Без истерик. Решайте. Завтра в восемь утра – развод.

Иван Сергеевич вернулся к столу, к своей карте, в которую снова уткнулся, будто ища в ней ответа.

Витька, весь в своих мыслях, подошел к пылающему кострищу. Бой, после секундного замешательства, последовал за ним. Как тень, которая не одобряет, но и не бросит.

Миша, Костя и Кирилл, не сговариваясь, потянулись к палаткам. Дима несмело подошел и сел напротив Ивана Сергеевича, глядя на линии карты.

А Слава остался стоять посреди поляны, один, в длинной холодной тени, падающей от высоких сосен. Он потирал больное плечо и никак не мог сглотнуть. Страх, стыд и злость застряли в горле – не давали сделать ни шага назад, ни шага вперед – туда, где сидел Витька. Он стоял и слушал, как трещат дрова. Слишком громко.

Глава девятая

Тень

Уазик, подпрыгивая на колдобинах, мчал по проселочной дороге, выплескивая из-под колес жидкую грязь. В салоне стояла та же тишина, что и на поляне, но здесь она сгустилась, пропиталась яростью, которая исходила от водителя.

Григорий Поленов, которого в деревне все звали Гришей-копарем, сидел, вцепившись в «баранку» побелевшими пальцами. Он смотрел на дорогу, но, кажется, не видел ее. Пальцы левой руки нервно отбивали по обшивке злой, бешеный ритм, челюсти судорожно сжимались, отчего резко выступали желваки на щеках. Перед глазами стоял Иван Сергеевич. Не такой, каким он был сейчас – в непромокаемой куртке и с благородной сединой у висков, – а такой, каким он знал его когда-то: перепачканный землей, с азартом «черного копателя» готовый перерыть пол-леса. «Одни корни из одной грязи», – подумал он.

Их пути тогда разошлись. Не из-за ссоры. Просто Иван одумался. Нашел себе благородную зацепу – «память», «историю». Засел за книжки, вступил в поисковый отряд. Рыцарь в ржавых доспехах, будь он неладен.

Машину резко подбросило на глубокой выбоине, передние колеса на миг зависли в пустоте. Гриша вдавил сцепление и бросил передачу. Его движения были четкими, угловатыми, отточенными годами вождения. Уазик, кряхтя, выкарабкался. В салоне запахло бензином и старой пылью.

– Сергеич... Не дурак. Фанатик.

Он произнес это слово с особенным презрением. Для него, прошедшего плен и знающего, что такое вера – и чужая, и своя, – это слово было хуже ругательства. Фанатик не остановится. Он будет копать не из жадности, а из-за идеи. И это делало его в тысячу раз сильнее любого алчного «черного копателя».

На пассажирском сиденье, вжавшись в дверь, сидел тот самый парень с дороги – племянник Гриши. Он украдкой косился на дядю. В нем смешались уже знакомые чувства страха и любопытства.

– Знает лес не хуже моего, – продолжил Гриша, и в его словах впервые прозвучала не злоба, а что-то вроде усталого, нежелательного уважения. – Но он ищет, чтобы отдать. В музей. Под стекло. Чтобы умные люди ходили и смотрели.

Гриша резко повернулся к парню. В тусклом свете приборки лицо Гриши казалось вырубленным из мерзлой земли – все резче выступали скулы, глубже уходили глазницы. А в глазницах горели два злых огонька.

– А я... я для себя ищу. Для нас. – Его взгляд скользнул по потрепанному салону, будто охватывая всю их нищую, убогую жизнь. – Это мой шанс, Пашка. Последний. Чтобы все это... – он махнул рукой, – чтобы все это не зря. Чтобы я мог посмотреть им в глаза. Всем этим... – он запнулся, подбирая слово, – хозяевам. Которые новые дома строят, на иномарках разъезжают. И плюнуть им под ноги, да так, чтобы они поняли.

Гриша, не говоря ни слова, вдавил тормоз в пол. Колеса заскользили, машину рвануло вперед и резко остановило. Парня на пассажирском сиденье швырнуло к панели, он уперся в нее руками.

Гриша тяжело дышал. Его взгляд, оценивающий и холодный, уперся в племянника. Тот ещё сильнее прижался к двери, стараясь занимать как можно меньше места, испуганный и по-детски растерянный.

– С завтрашнего утра, – сказал Гриша, – станешь их тенью. Будешь ходить за ними по пятам. Слушать, где копать собираются, о чем говорят между собой. Ни шороха, Пашка. Ни вздоха. Чтобы мышь не испугалась. Понял? Обо всем – мне. Ты теперь мои глаза и уши.

Парень кивнул, сглотнув. Страх перед лесом, перед чужими людьми, перед этим гневом – все перепуталось у него внутри.

– А... а лесной призрак? – выдохнул он почти шепотом. – Бабка Матрена говорила... он, если чужих чует...

Гриша резко, с силой замахнулся на племянника. Пацан инстинктивно вжался в сиденье, зажмурился, подставив плечо под ожидаемый удар.

Но удара не последовало. Рука замерла в воздухе.

– Дурь... не неси, – прошипел Гриша сквозь зубы. – Детские страшилки! Призрак... – Он фыркнул и опустил руку. – Настоящий призрак – это я. Или он, Сергеич. Твоя задача – слушать и смотреть. За людьми. Это и есть твоя работа теперь.

Гриша резко вдавил газ, и уазик, взревев, рванул вперед, будто хотел убежать от этого разговора. Парень не сказал больше ни слова. Он прильнул к холодному стеклу, за которым мелькали неподвижные деревья.

Глава десятая

«Затерянные в лесу»

Лес накрыла плотная беззвучная ночь. Костер горел маленьким островком света, вокруг которого теснились мальчишки. Пламя отбрасывало на ребят длинные тени, делая лица старше и серьезнее.

Иван Сергеевич сидел на бревне со всеми. Он не отрываясь смотрел на огонь, собирая мысли, а потом проговорил:

– Черный копатель приехал не просто так. Он ищет не окопы и не гильзы. Он охотится за легендой. За «Затерянными в лесу».

Все онемели. Дима открыл рот. Слава оторвался от игры на телефоне. Даже Бой дернул ушами, уловив перемену в настроении.

Один Витька безучастно уставился в глубину костра, в белый, нестерпимо горячий уголек, где плавилось время. Его рука автоматически опустилась, и пальцы вошли в густую шерсть на загривке Боя. Пес вздохнул и положил голову ему на колени.

– Это случилось осенью сорок второго года, – продолжил Иван Сергеевич. – Глубокой осенью, когда лес уже не шумел, а только сбрасывал с ветвей последнюю багровую листву, партизанский отряд «Сокол» получил от разведчиков точные сведения: по лесной дороге должен пройти немецкий обоз. Но вез он не оружие и не продовольствие. Вез награбленное. То, что украли из музеев, библиотек, разоренных церквей и опустошенных усадеб. Церковную утварь, старинные монеты, книги в коже, фамильное серебро... Трофеи для рейха, которым украсят дома высоких чинов и частные коллекции. Сопровождали груз не тыловые обозники – специальная команда из полка СС. Каратели. Люди, для которых убийство и грабеж – обычное дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.